

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.131.1+101(470)(092)

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-69-73

Дата поступления: 15.06.2024
рецензирования: 10.09.2024
принятия: 30.09.2024

Д.А. Махов
Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mrmakhov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1486-8824>

Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина и романе У. Эко «Имя Розы»

Аннотация: статья посвящена опыту анализа категории «наблюдатель» в романе У. Эко «Имя Розы». В первой части работы анализируются методологические предпосылки к изучению категории «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина, выявляется круг философских понятий, необходимых для осмысления указанной категории. Во второй части излагаются результаты анализа композиции романа У. Эко «Имя Розы» в русле методологии Б. Успенского (поэтика точек зрения). Также с помощью интерпретации факторов художественного впечатления на фокальном, глоссальном, сюжетном и мифотектоническом (В.И. Тюпа) уровнях романа проясняется категория «наблюдатель», сокрытая в тектоническом ядре произведения. Фиксируются отличия категории «наблюдатель» в понимании М.М. Бахтина и художественной практике У. Эко. В выводах к статье впервые в научном исследовании формулируется обобщенное понятие категории «наблюдатель» романа У. Эко «Имя Розы».

Ключевые слова: методология; теория литературы; функциональный прагматизм; категория наблюдателя; наблюдатель в романе; художественное целое; эстетический объект.

Цитирование: Махов Д.А. Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина и романе У. Эко «Имя Розы» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 69–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-69-73>.

Благодарности: автор выражает благодарность Сергею Петровичу Лавлинскому за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Махов Д.А., 2024 – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.A. Makhov
Russian State University of Humanities,
Moscow, Russian Federation
E-mail: mrmakhov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1486-8824>

The category of observer in the works of M.M. Bakhtin and the U. Eco's novel «The Name of the Rose»

Abstract: the article is devoted to an experiment in analyzing the category «observer» in U. Eco's novel «The Name of the Rose». The first part of the paper analyzes methodological prerequisites for the study of the category «observer» in the works of M.M. Bakhtin, identifies the range of philosophical concepts necessary to comprehend the category. The second part presents the results of analyzing the composition of U. Eco's novel «The Name of the Rose» in the context of B. Uspensky's methodology (poetics of viewpoints). In addition, it is by interpreting the factors of artistic impression on the focal, glossal, plot and mythotectonic (V.I. Tyupa) levels of the novel that the category «observer», hidden in the tectonic core of the work, is clarified. The differences between the category «observer» in M.M. Bakhtin's understanding and U. Eco's artistic practice are noted. The conclusions to the article formulate a generalized conception of the category «observer» of U. Eco's novel «The Name of the Rose» for the first time in scientific research.

Key words: methodology; literary theory; functional pragmatism; observer category; observer in the novel; artistic whole; aesthetic object.

Citation: Makhov, D.A. (2024), The category of observer in the works of M.M. Bakhtin and the U. Eco's novel «The Name of the Rose», *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 69–73, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-69-73>.

Acknowledgments: the author express his gratitude Sergey Petrovich Lavlinskiy for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Makhov D.A., 2024** – PhD student of the Department of Theory and History of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University of Humanities, 6, Miusskaya ploshchad', Moscow, 125047, Russian Federation.

Введение

В научном обиходе не так много исследований, посвящённых изучению категории «наблюдатель» с литературоведческой точки зрения. Ещё меньше работ нам известно о проблеме наблюдателя и его сюжетных ролей в произведении. Современный опыт теоретической рефлексии категории «наблюдатель» в литературоведческом аспекте на основе работ вышеуказанных исследователей представлен участниками и организаторами спецсеминара «Визуальное в литературе» Российского государственного гуманитарного университета. Основатели и руководители спецсеминара С.П. Лавлинский и В.Я. Малкина в предисловии к сборнику статей отмечают, что одним из важнейших вопросов в изучении визуального в литературе становится проблема субъекта видения. Авторы отмечают, что наблюдатель с точки зрения сюжета и композиции может играть разные роли: персонаж, герой, лирический субъект, рассказчик, повествователь, образ автора. Кроме того, исследователи предложили набросок методики анализа категории «наблюдатель». В качестве первого шага предлагается описывать субъектную структуру текста: кто говорит, кто действует, кто видит. Следом, выделив субъектов видения из субъектной структуры, исследовать место наблюдателей в пространстве и времени, способы их взаимодействия с миром. А далее соотносить их с субъектами речи (Малкина, Лавлинский 2019).

Основным трудом, рассматривающим проблему наблюдателя, в том числе в аспекте его соотношения с сюжетными ролями, является работа М. Ямпольского «Наблюдатель: очерки истории видения». Он впервые связывает категорию наблюдателя с типами сюжетных персонажей: старьёвщик, «исчезнувший» наблюдатель, лирический субъект – наблюдатель водопада. Косвенно этот вопрос затрагивался в некоторых исследованиях, связанных с проблемами визуального, зрения и видения в литературе (М. Хайдеггер, Г. Зиммель, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, У. Эко, П. Флоренский, Б. Успенский, М. Бахтин). Однако все эти работы объединяет отсутствие чётких и методологически последовательных формулировок категории «наблюдатель». В центре внимания настоящей работы лежит философская концепция М. Бахтина в аспекте категории наблюдателя. Стоит отметить,

что М. Бахтин не ставил целью отрефлексировать категорию «наблюдатель», поэтому в его трудах она содержится по большей степени имплицитно. Нижеследующий анализ работы М. Бахтина представляет собой последовательную экспликацию разрозненных представлений автора об изучаемой нами категории и объединение их в целостное и непротиворечивое понятие.

Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина

Михаил Бахтин в своей работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма» рассматривал категорию наблюдателя через призму категории времени (Бахтин 1979). В его представлении историческое время зримо. При этом зримым оно становится только в становлении. Движение, развитие, становление – и есть те способы, с помощью которых время воплощается в пространстве. Видение времени, по М. Бахтину, является умением читать приметы хода времени в пространственном целом мира, начиная от природы и кончая человеческими идеями и нравами. Наблюдатель может увидеть время с помощью глаза. В соответствии с теорией М. Бахтина, глаз – это орган познания наблюдателем действительности, вокруг которого объединены внешние чувства, внутренние переживания, размышления и абстрактные понятия. Наблюдатель посредством глаз и зрения способен видеть движение времени в пространстве. Таким образом, наблюдатель познаёт окружающий его мир с помощью зрения, т. е. рефлексивного восприятия действительности как суммы зримого.

Наблюдатель может зримо познавать две категории времени: циклическое и историческое. Циклическое время – это повторяющееся движение в пространстве, которое раскрывается прежде всего в природе, но и находится в неразрывной связи с соответствующими моментами человеческой жизни. А историческое – видимые следы творческого преобразования человеком природы в *прошлом*, обратное влияние всего им созданного на его идеи и нравы в *настоящем*, приводящее в известной мере к предопределению его *будущего*, по которым художник в процессе сочетания работы глаза со сложным мыслительным процессом читает сложнейшие замыслы людей, свидетельствуя воплощение полноты времени в пространстве.

Примечательно также, что наблюдатель в рамках концепции М. Бахтина обладает «панорамным» зрением. Оно является зрительной метафорой, обозначающей самосознание наблюдателя, т.е. сознание им самого себя в отличие от «другого» и своего взаимодействия с миром.

Резюмируя размышления М. Бахтина, можно сформулировать следующее понятие наблюдателя. В концепции М. Бахтина наблюдатель – это субъект познания реальности, которая воспринимается его глазами посредством исторического видения (способности видеть полноту исторического времени в пространстве) и преломляется в сложном мыслительном процессе как сумма зримого опыта, т.е. сумма географически определённых, становящихся во времени, творчески преобразованных человеком объектов действительности, обладающих конкретным историческим смыслом, познать который и является его (наблюдателя) целью.

Категория наблюдателя, представляющая собой функциональное отношение (Лещак 2008) субъектов мышления и субъектов видения внутри художественного произведения (Малкина, Лавлинский 2019), вместе с тем всегда выражена какой-то композиционной формой речи. Эта форма речи всегда принадлежит тому или иному субъекту речи, а зачастую и соотносится с тем или иным сюжетным актантом, – например, второстепенным персонажем или героем романа.

Анализ категории «наблюдатель» в романе У. Эко «Имя Розы» в русле идей М. Бахтина

Обратимся к фрагменту романа У. Эко «Имя Розы»: «Было ясное утро конца ноября. Ночью мело, но не сильно, и слой снега был не толще трех пальцев. Затемно, отстояв хвалитны, мы слушали мессу в долинной деревушке. Потом двинулись в гору навстречу солнцу» (Эко 2004, с. 12). Это хроникёрское повествование, субъектом речи которого является Адсон из Мелька, помощник и ученик Вильгельма Баскервильского, ведущий хронику всех их совместных приключений. При этом речевая точка зрения совпадает в этом фрагменте с пространственно-временной точкой зрения субъекта видения. Можно утверждать, что он локализован в пространстве и во времени и вместе с тем находится в будущем и обращается к своим воспоминаниям для описания событий прошлого. Но вот является ли этот субъект речи и видения наблюдателем? Ограничиваясь рамками процитированного фрагмента, такой вывод сделать не получится, потому что в наш кругозор не попадают факторы художественного впечатления, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии идеологической (рефлексивной) точки зрения, связанной с этим субъектом. Однако если обратиться к следующей цитате реплики Вильгельма Баскервильского, то мы увидим полное проявление категории

«наблюдатель»: «Уж знаю, – ответил Вильгельм. – Вы ищите Гнедка, это любимец настоятеля, лучший скакун на конюшне, тёмной масти, ростом без восьми вершков сажень, хвост пышный, копыто малое и круглое, однако на скаку ровен. Голова некрупна, уши острые, глаза очень велики. Подался он направо...» (Там же, с. 13). Можно заметить, что Вильгельм Баскервильский здесь является рефлектирующим субъектом, чья идеологическая (ценностная) точка зрения меняется в зависимости от того, что он познаёт посредством зрения, то есть с точки зрения пространственно-временной. В данном эпизоде автор изображает «внутренний мир» эстетического объекта с помощью прямой перспективы (Успенский 1995). Так Вильгельм Баскервильский читает следы Гнедка на земле. Отметим, что процитированный микрофрагмент текста являет точку зрения в пространственном плане Вильгельма Баскервильского – наблюдателя. Он читает в пространстве настоящего следы прошлого, попадающие в его кругозор, тем самым предугадывая будущее: описал портрет Гнедка, смоделировал траекторию его движения, указал место его пребывания на территории монастыря.

Таким образом, Вильгельм Баскервильский в начале романа является идеальным примером «наблюдателя» в понимании М. Бахтина. Он обладает панорамно-историческим видением, воспринимает мир с помощью прямой перспективы, подмечает приметы времени в пространстве, познает конкретный исторический смысл времени и на этой основе предугадывает будущее.

Вместе с тем Вильгельм Баскервильский обладает самосознанием. Более того, он воплощает собой определённый способ бытия-в-мире, который проявляется, например, в наставлении Вильгельма Адсону: «Добрейший Адсон, – отвечал учитель. – Всю поездку я учу тебя различать следы, по которым читаем в мире, как огромной книге. Сказал же Алан Лилльский: всей вселенной нам творенье – / будто бы изображение, / книга или зеркало, – и судил о неисчерпаемом обилии символов, коими Господь через пространство творений своих глаголет к нам о вечной жизни» (Эко 2004, с. 13). Можно предположить, что Вильгельм является проекцией архетипа героя, блуждающего в лабиринте и стремящегося с помощью сил могучего разума разгадать загадку, которую загадал сам Господь. Так или иначе, этот архетип связан с библейским мифом о Боге и Адаме, который, нарушив запрет Господа, вкусил плод с древа познания добра и зла.

Фактически в романе, помимо Вильгельма, есть ещё один наблюдатель – библиотекарь монастыря Хорхе из Бургоса. Он защищает серьёзное отношение к вере и всеми силами старается сохранить в сердцах людей страх Божий. С его точки зрения, смех может вселить в людей уверенность в себе, укрепить гордыню, избавить от страха перед Дья-

волом и его ловушками, а также перед Господом и его заповедями. Хорхе стремился к тому, чтобы смех не превратился в глазах людей в орудие борьбы со страхом, потому что если это произойдет, то, с его точки зрения, стада выйдут из повиновения своим пастырям – будут развенчивать их серьёзность смехом. Желание оставить философский трактат о смехе погружённым в пучину тайны и неизвестности подтолкнуло Хорхе на череду убийств. Он, наряду с Вильгельмом, обладает панорамно-историческим видением, улавливает приметы времени и читает по ним будущее: «Прежде мы глядели на небо, а мерзостную материю еле удастаивали брезгливым взглядом; ныне мы смотрим на землю, а в небо веруем благодаря земным свидетельствам. Каждое из слов Философа, на которых сейчас клянутся и святые, и князи церкви, в свое время перевернуло сложившиеся представления о мире. Но представления о Боге ему пока не удалось перевернуть. Если эта книга стала бы предметом вольного толкования, пали бы последние границы» (Эко 2004, с. 239). Старый библиотекарь, возмнив себя орудием Господа, пожелал остановить время, остановить движение истории, венцом которого он усмотрел утрату человечеством Слова Божия. Удивительно, как утрата библиотекарем зрения, физической возможности видеть, приводит к утрате его способности познавать исторический смысл времени посредством панорамно-исторического видения. Эта утрата способности быть наблюдателем отражена в изменении органа зрения Хорхе: «Теперь мои руки видят не хуже, чем твои глаза» (Эко 2004, с. 238). И этими самыми руками старый слепец смазал смертоносным ядом страницы второго тома «Поэтики» Аристотеля. Потеряв зрение, Хорхе утратил способность познавать время, а вместе с тем и способность смеяться.

Однако примечательно следующее: библиотекарь подстроил череду смертей под ритм музыки семи апокалиптических труб, потому что на это повлиял наблюдатель – Вильгельм. Он готов был поверить, что убийца наделяет свои преступления символами той или иной апокалиптической трубы, которые возвещают приход конца мира. Хорхе узнал об этом из третьих уст и решил запутать следователя. Более того, он хотел внушить Вильгельму, что череда смертей в монастыре – дело рук самого Господа: «Хватило одной фразы Алинарда, чтобы я вообразил, будто череда преступлений повторяет музыку семи апокалиптических труб. В случае Адельма – град; а это было самоубийство. В случае Венанция – кровь; а это была нелепейшая мысль Беренгара. В случае самого Беренгара – вода. А это была чистая случайность. В случае Северина – третья часть небес... А Малахия попросту ухватился за звездный глобус как за первый попавшийся тяжелый предмет. Наконец, Малахия и скорпион <...> Вот, оказывается, как вышло! Я

сочинил ошибочную версию преступления, а преступник поддался под мою версию...» (Эко 2004, с. 237). Таким образом, Вильгельм продемонстрировал ещё одну функцию наблюдателя – стал влиять на ход событий, а не только познавать их: если бы Вильгельма-наблюдателя не было, то убийств в такой форме не могло бы произойти.

Об этом же свидетельствует следующая сцена, изображающая самоубийство Хорхе: «<...> раздирая на клочки мягкие листы рукописи, и запихивая обрывки один за другим к себе в рот, и старательно жуя, будто гостию святого причастия, которая должна перейти в плоть его собственной плоти <...> Ты ведь ждал седьмой трубы – разве не так? Слушай же, что говорит голос с неба! „Скрой то, что говорили семь громов, и не пиши сего, а пойдди возьми раскрытую книжку и съешь ее: она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед“. Видишь? Вот я и скрываю то, чему не следует звучать, скрываю в своей утробе и сам становлюсь ему могилой. И он смеялся, Хорхе. Впервые за все время я услышал, как он смеется» (Эко 2004, с. 242).

Кульминация познания реальности посредством панорамно-исторического видения подводит Вильгельма-наблюдателя к следующему выводу: «Хорхе боялся второй книги Аристотеля потому, что она, вероятно, учила преобразовать любую истину, дабы не становиться рабами собственных убеждений. Должно быть, обязанность всякого, кто любит людей, – учить смеяться над истиной, учить смеяться саму истину, так как единственная твердая истина – что надо освободиться от нездоровой страсти к истине <...> Трудно смириться с идеей, что в мире не может быть порядка, потому что им оскорблялась бы свободная воля Господа и его всемогущество» (Эко 2004, с. 248–249). Таким образом, Вильгельм Баскервильский оказывается наблюдателем, который упирается в границы познания мира, выходит за пределы понятия «наблюдатель», сформулированного М. Бахтиным.

Выход за пределы концепции М.М. Бахтина о категории «наблюдатель»

В приведённой выше цитате содержится идеологическая точка зрения Вильгельма-наблюдателя, в которой вводится ещё один «наблюдатель» – Господь. Вильгельм в своем монологе словно протягивает ему руку, как на фреске Микеланджело «Сотворение Адама» (ок. 1511). Если Вильгельм и Хорхе смотрят на «внутренний мир» произведения с помощью прямой перспективы, пытаясь улавливать приметы времени и предугадывать будущее в соответствии со своим пониманием «добра и зла», то Бог как наблюдатель обладает обратной перспективой по отношению к миру. Он творит и меняет мир из Себя, в соответствии со своей свободной волей, потому что Он – живая сущность. Этот об-

раз Бога-наблюдателя-творца лежит в основе идеологической точки зрения Вильгельма: если бы в мире был порядок, им управляли бы рациональные, неизменные, вселенские законы, похожие на законы природы, запрограммированные однажды и не терпящие изменений. Однако в этих условиях Бог сам оказался бы мёртв, он ничем не отличался бы от сложной системы кодов, на которых написан мир Вильгельма и Хорхе. Так, Вильгельм подчеркивает, что подобная точка зрения оскорбительна для всемогущества Бога-наблюдателя-творца. Он смотрит на мир через призму обратной перспективы и при этом занимает позицию вневходимости. Мир наблюдателей Вильгельма и Хорхе входит в кругозор Бога-наблюдателя и находится в полной зависимости от него. Однако этот кругозор, именуемый героями *истиной*, находится за границами возможностей познания в опыте наблюдателей-героев.

Вместе с тем Вильгельм понимает эту мысль, а потому и приходит к выводу о просветляющей силе смеха над истиной и связывает её с любовью к человеку. Вильгельм как бы говорит вслед за Аристотелем, что над истиной можно либо смеяться, либо заблуждаться, третьего не дано. Хорхе же, ослепленный гордыней (проекцией чему является физическая слепота), возносит себя на место Бога и преисполняется ненавистью к человеку до такой степени, что не гнушается убийства, продав за роль «спасителя мира» свою душу Дьяволу. Смертный грех вошел в душу Хорхе через распавшиеся врата гордыни. Слепец до полного безумия ужасался смеху, карнавальная культура, празднику и естественности, потому что смех за минуту разрушил бы его паранойяльное величие, иллюзорно-фантазийный бред в отношении самого себя и показал бы его таким, какой он есть – сумасшедшим, злобным и одиноким стариком.

Заключение

Таким образом, наблюдатель в романе У. Эко «Имя Розы» – это обладающий самосознанием и здоровой самоиронией субъект познания реальности, которая воспринимается его глазами в прямой перспективе посредством способности видеть и осмысливать приметы хода времени в пространственном целом мира, начиная от природы и кончая человеческими идеями и нравами, что позволяет ему предугадывать будущее постольку, поскольку его воля вступает в диалог и переплетается с творческой волей Бога-творца-наблюдателя, воспринимающего / творящего мир в обратной перспективе, чей кругозор остается для наблюдателя непознаваемым. Целью наблюдателя является стремление освободиться от нездоровой страсти к познанию истины (кругозора Бога-творца-наблюдателя) с помощью смеха и самоиронии, а также постоянное сомнение в своих выводах и убеждениях о мире; отношение к знанию как к чему-то

временному и относительному и бесконечное переобучение, сохранение ежеминутной гибкости восприятия.

Источники фактического материала

Эко У. Имя Розы. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. 252 с.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина; примечания С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979. 424 с.

Лещак О.В. Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология. Тернополь: ТЭИПО, 2008. 232 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Малкина В.Я., Лавлинский С.П. Наблюдатель, искаженные миры и визуальное в литературе: научные и образовательные стратегии // Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция: сб. ст.; сост. и ред. В.Я. Малкина, С.П. Лавлинский. Москва: Эдитус, 2019. С. 14–26.

Успенский Б.А. Семиотика искусства. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. 413 с.

Ямпольский М. Наблюдатель: очерки истории видения. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.

References

Bakhtin, M.M. (1979), *The aesthetics of verbal creativity*, Iskustvo, Moscow, USSR.

Leshchak, O.V. (2008), *Foundations of the functional-pragmatic theory of linguistic experience. Analytics, criticism, typology*, Ternopol'skii eksperimental'nyi institut pedagogicheskogo obrazovaniya, Ternopil, Ukraine.

Lotman, Yu.M. (1996), *Inside the thinking worlds*, Yazyki hudozhestvennoj kul'tury Publ, Moscow, Russia.

Malkina, V.Ya. and Lavlinskii, S.P. (2019), The observer, distorted worlds, and the visual in literature. Scholarly and educational strategies, *The observer of distorted worlds. Poetics and reception, Collected articles*, Edytus, Moscow, Russia, pp. 14–26.

Uspensky, B.A. (1995), *Semiotics of art*, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, Russia.

Yampolsky, M. (2001), *Observer: Essays of the History of Vision*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Submitted: 15.06.2024

Revised: 10.09.2024

Accepted: 30.09.2024